

К ПАМЯТНЫМ СОБЫТИЯМ И ДАТАМ

О. С. ПОРШНЕВА

ОТ ЮБИЛЕЯ К ЮБИЛЕЮ: ИНТЕРПРЕТАЦИЯ РОССИЙСКОГО ВОЕННО-РЕВОЛЮЦИОННОГО КРИЗИСА 1914–1922 ГГ. В КОНТЕКСТЕ ДВУХ ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫХ ДАТ¹

В статье рассматривается влияние юбилеев Первой мировой войны и Революции 1917 г. на историческое осмысление этих феноменов. Определяющим трендом мировой историографии, проявившимся в ходе проведения юбилеев, стала историческая компаративистика, «вписывание» российского опыта эпохи Великой войны и Революции в более широкий общеевропейский и мировой контекст, а теоретической основой интерпретации эпохальных событий – концепция общеевропейского военно-революционного кризиса 1914–1921 (22) гг., нацеливающая на выявление его общих предпосылок, характеристик, тенденций, проявлений, а также специфики протекания в странах, втянутых в мировой конфликт. Юбилейные мероприятия, проекты, публикации выявили приоритетный интерес к изучению опыта войны, культуры и символического пространства военно-революционной эпохи, социальных практик и институтов военного времени, проблем исторической памяти. Юбилеи оказали стимулирующий эффект на развитие профессионального знания, в то же время став центральными точками взаимодействия и конфликтов политики памяти и естественных форм конденсации исторической памяти о войне и Революции.

Ключевые слова: юбилеи, историография, Первая мировая война, Российская Революция 1917 г., историческая память

Столетние юбилеи крупных исторических событий – Первой мировой войны и Российской революции 1917 г. наглядно продемонстрировали влияние политики памяти и актуальных общественных запросов на конструирование образов прошлого. В то же время эти «эпохальные» годовщины стали мощным стимулом для «инвентаризации» имеющихся исторических знаний по данной проблематике, разработки ее новых интерпретаций профессиональными историками. Монографии, статьи, материалы научных конференций и семинаров, международных научно-издательских проектов отражают основные тенденции в осмыслении эпохи военных и революционных потрясений начала XX в. в России. Важнейшей из них является рассмотрение событий Первой мировой войны, Революции 1917 г. и Гражданской войны как единой эпохи военно-революционного кризиса, во время которого получили развитие практики и процессы, порожденные войной, предвоенной модернизацией и международной нестабильностью.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 18-18-00053 «Политика памяти vs историческая память: Наполеоновские войны и Первая мировая война в юбилеях»).

Концепция общеевропейского военно-революционного кризиса 1914–1921 гг. была глубоко обоснована П. Холквистом и Дж. Санборном² и отражала значимую методологическую тенденцию последних двадцати лет, сохраняющую свою актуальность и сегодня. Она может быть обозначена как историческая компаративистика, «вписывание» русской Революции, ее преобразований и опыта в общеевропейский контекст, порожденный формированием индустриальных обществ, феноменов массовой политики, пропаганды и насилия, противостоянием империй и национализма³. В приуроченном к 100-летию юбилею Первой мировой войны «Критическом словаре Русской революции: 1914–1921 гг.», составленном Э. Актоном, У. Розенбергом и В. Черняевым, следующим образом обосновывались хронологические рамки и основная идея труда: «Русская революция стала главной осью событий XX века и эпизодом Первой мировой войны (курсив мой – О.П.), как и Революции 1918 г. в Германии и Австро-Венгрии. Гражданская война порвала пуповину, соединявшую Россию с прошлым, и изначально была войной Октября с Февралем и поэтому частью революции»⁴.

В фундаментальной книге Холквиста «*Making War, Forging Revolution. Russia's continuum of crisis, 1914–1921*» («Вести войну, ковать революцию: континуум кризиса в России, 1914–1921») ⁵ возникновение советского государства связывалось с практиками мобилизации и насилия, которые начали осуществляться в период Первой мировой войны и получили развитие в условиях Гражданской войны. Применяя, как и царское правительство, политику тотальной мобилизации и массовой пропаганды, порожденную мировой войной, большевики, по замечанию Холквиста, перенесли эти методы в политическую жизнь, а затем инкорпорировали их в послевоенную политическую структуру⁶.

Д. Хоффманн в работах, приуроченных к юбилею Российской революции, доказывает, что практики государственного насилия применялись в новое время и на Западе, и в России, достигнув наиболее широких масштабов в годы Первой мировой войны. Советское государство, родившееся в момент тотальной войны, институционализировало практики военного времени: концентрационные лагеря, слежку, цензуру, принуждение, превратив их в постоянные методы управления. Это делалось не только ради сдерживания внешних угроз, но и для развития экономики и переделки самого общества, подчеркивает автор⁷.

² Holquist 2002, Sanborn 2003.

³ Hoffmann 2017; Holquist 2002; Sanborn 2003, 2014; Ливен 2014; Эпоха войн и революций: 1914–1922; Критический словарь... 2014.

⁴ Критический словарь... С. 17.

⁵ Holquist 2002.

⁶ Ibidem. P. 141–239.

⁷ Hoffmann 2017. P. 626.

В том же ключе трактует практики Революции М. Стейнберг, акцентируя их общеевропейские черты. Он замечает, что большевистская политика «военного коммунизма» свидетельствовала о том, что «многие из этих авторитарных политических мер служили отражением и развитием практик, к которым прибегали власти многих стран Европы для мобилизации экономики и общества во время мировой войны – причем тон в этом отношении не в последнюю очередь задавала Германия, с ее политически консервативным “военным социализмом”»⁸.

Имперская составляющая кризиса российской государственности, обострившегося в период мировой войны и приведшего к Революции, также рассматривается исследователями в тесной связи с общеевропейскими и мировыми процессами⁹.

В преддверии столетия начала Первой мировой войны приобрела особую актуальность концепция военного опыта как инструмент изучения человека в условиях военно-революционных потрясений. Переход от истории событий к истории опыта и «маленького человека» является, по справедливому замечанию О.С. Нагорной и И.В. Нарского, характерной чертой современной историографии войн¹⁰. Д. Байрау констатирует связь опыта с коммуникативными и коммеморативными практиками: «понятие “опыт” включает в себя субъективные категории: разговоры, современные и более поздние рассказы и воспоминания – в общем, дискурс участников и их потомков о войне. Все эти компоненты образуют индивидуальный и коллективный опыт»¹¹. Российские сторонники этого подхода подчеркивают роль опыта в конструировании идентичности: «Опыт понимается не как результат, а как непрерывный процесс конструирования и обработки действительности, как инструмент поддержания и преобразования реальности через ее восприятие, истолкование индивидом и коллективом и обусловленное этим индивидуальное и групповое поведение»¹². Значимым направлением последнего десятилетия стало исследование опыта военной и революционной повседневности, российского и зарубежного плена, практик выживания и насилия в 1914–1922 гг.¹³ При этом интерпретация историками опыта войны и революции предпринимается на основе учета, осмысления и характеристики взаимосвязи данных процессов.

⁸ Стейнберг 2018. С. 161-162.

⁹ Smith 2017; Sanborn 2014; Ливен 2014; Engelstein 2017; Стейнберг 2018. С. 343-443.

¹⁰ Нагорная, Нарский 2014. С. 18.

¹¹ Байрау 2007. С. 28.

¹² Опыт мировых войн... С. 7.

¹³ Нагорная 2010; Нагорная, Нарский 2014; Асташов 2014; Булдаков 2014; Маленький человек и большая война...

Следует отметить, что «растягивание» хронологических рамок Революции, рассмотрение ее как процесса, а не события, ограниченно-го во времени, вызывает критику некоторых российских историков, озвученную Н.Н. Смирновым на юбилейной конференции в Санкт-Петербурге¹⁴. При этом именно Петербург является местом проведения международных научных коллоквиумов по Первой мировой войне, в работе которых проявляется приверженность его участников концепции военно-революционного кризиса 1914–1921 гг.¹⁵

К столетнему юбилею Первой мировой войны был реализован ряд крупных международных научных проектов. Среди них – Международная онлайн-энциклопедия Первой мировой войны 1914–1918 гг., созданная в октябре 2014 г. Она является совместным проектом крупнейшей сети исследователей Первой мировой войны и охватывает более 50 стран. С марта 2016 г. «1914–1918-онлайн» расширяется и дополняется, являясь частью DFG-проекта “Open Encyclopedia System”, направленного на обеспечение возможностей интерактивной работы пользователей с ее материалами¹⁶.

Другой международный проект, стимулированный юбилеем Первой мировой войны – реализуемое в США издание многотомного труда “Russia’s Great War & Revolution” («Великая война и Революция в России»), в полной мере отражает роль юбилеев в развитии профессиональной историографии и ее стремление усилить влияние на историческое сознание общества. Это исследование российских и зарубежных ученых отчетливо демонстрирует готовность историков к обновлению концептуального и методического инструментария, возможности международного формата приращения исторического знания, доминирование тенденции рассмотрения периода мировой войны и Революции в России как единого исторического этапа. Как говорится на сайте проекта, «“Великая война и революция в России” – научная работа интернационального коллектива исследователей, направленная на фундаментальное преобразование понимания “континуума кризиса” в России в 1914–1922 годах»¹⁷. Проект, основанный на новых методах исследования и источниках, как отмечается в его описании, направлен на переоценку концепций и событий этого периода, а также *повышение осведомленности общественности о вкладе России в историю двадцатого века* (курсив мой – О.П.). В его характеристике отражается понимание историками возможностей влияния на общество, создаваемых юбилей-

¹⁴ Смирнов 2017. С. 17.

¹⁵ См.: Россия и Первая мировая война...; Маленький человек и большая война...; Эпоха войн и революций...; и др.

¹⁶ <http://www.1914-1918-online.net/>

¹⁷ <http://russiasgreatwar.org/index.php>

ными коммеморациями: «Поскольку мы отмечаем столетнюю годовщину Первой мировой войны, общественное внимание обратилось к значению Великой войны в формировании истории человечества. Столетние юбилеи предоставили ученым уникальную возможность вовлечь в обсуждение и просвещать широкую общественность по проблемам мирового конфликта и его значения. Такая возможность имеет особенное значение для историков России. На протяжении большей части XX века Великая война в России была на задворках исторической мысли, будучи заслоненной тенью революции большевиков, гражданской войны и консолидации власти, так как советские и западные эксперты сосредоточили свою энергию на объяснении истоков и подъема русского коммунизма. В последние годы новое поколение исследователей начало пересматривать и переоценивать значение и смысл войны. Подкрепленные новыми архивными выводами и освобожденные от идеологического багажа предыдущих исторических дебатов, они начали анализировать Великую войну России не как прелюдию к Красному Октябрю, а как поворотный пункт, который привел в движение цепь событий, трансформировавших Евразию и большую часть мира»¹⁸.

Еще одним международным проектом, приуроченным уже к 100-летию Российской революции 1917 г., стало переиздание воспоминаний ее американских свидетелей “Americans in Revolutionary Russia”, реализуемое под руководством профессоров Н. Сола и В. Виссенханта с привлечением российских специалистов. Проект направлен на переиздание трудов, зафиксировавших опыт американцев, ставших свидетелями войны и революции в России в период между 1914 и 1921 гг. Подчеркивается, что большинство этих мемуаров не переиздавались с тех пор, как были впервые опубликованы сто лет назад¹⁹.

В России примером юбилейного научно-издательского проекта является «Россия 1917 года в эго-документах». Он направлен на публикацию (преимущественно впервые) воспоминаний, писем и дневников участников и свидетелей событий революции, сопровождаемую научным комментарием и справочной информацией. В настоящее время вышло три тома из четырех, запланированных в рамках серии²⁰.

О достижении современной историографией определенного консенсуса в понимании роли мировой войны в происхождении Революции 1917 г. и Гражданской войны свидетельствуют и материалы международного проекта по истории Февральской революции (осуществ-

¹⁸ <http://russiasgreatwar.org/index.php>

¹⁹ Издания снабжены введением экспертов, примечаниями, обширным справочным аппаратом: https://slavica.indiana.edu/series/Americans_in_Revolutionary_Russia

²⁰ Проект осуществляется в Институте истории и археологии УрО РАН под руководством Н.В. Суржиковой. См.: Россия 1917 года в эго-документах...

лен в Санкт-Петербурге к ее 100-летию)²¹. Благодаря проекту появилась возможность осмыслить современную историографическую ситуацию на основе опроса ведущих российских и зарубежных историков по таким проблемам, как роль предвоенных процессов и Первой мировой войны в возникновении Революции, «историческая вина» за нее, роль конкретных политических сил в падении самодержавия, историческое значение Февраля и др. Результаты были обобщены В.В. Калашниковым в виде анализа материалов Вопросника по истории Революции, предложенного 25-ти ведущим историкам (в т.ч. 14 российским и 11 зарубежным)²². Большинство историков обозначили войну как сделавшую Русскую революцию «весьма вероятной», другие – «неизбежной», и только один историк высказал иную точку зрения²³.

Одна из приоритетных тем современной историографии – формирование и функционирование исторической памяти о войнах – получила новое дыхание на волне юбилейных мероприятий. Историки в полной мере осознают сложность взаимодействия образов, сложившихся в массовом сознании под влиянием юбилейной политики «военных коммемораций», социального опыта и, с другой стороны, предлагаемых историками. Кроме того, сами историки, будучи носителями исторической памяти и в определенной своей части – проводниками исторической политики властных элит, также подвержены поворотам меняющегося исторического сознания. В дни юбилеев Первой мировой войны и Революции 1917 г. не только в России, но и за рубежом остро проявилась напряженность в отношениях между официальной и неофициальными версиями коллективной памяти и истории этих событий, вызвавшая профессиональные и общественные дебаты²⁴. Э. Мукок отмечает, что позиция правительства Великобритании, заявлявшего, что его роль в проведении юбилея сводится к обеспечению руководства и поддержке в организации общественных коммемораций, хоть и понятна, но наивна, недооценивает свою роль в стимулировании идеологически обоснованных границ, касающихся того, как конфликт должен вспоминаться и что представляет собой его наследие для современного британского общества. Конструируя 100-летний юбилей Первой мировой войны в рамках «национального» дискурса, правительство, по мнению историка, «провалилось» в полном признании и осознании того, до какой степени мультинациональная структура британского государства

²¹ Февральская революция 1917 г. 2017.

²² Вопросник был предложен проф. Калашниковым и отредактирован проф. Индианского университета (США), известным специалистом по истории Русской революции А. Рабиновичем. См.: Февральская революция 1917 г. С. 137–174.

²³ Там же. С. 140.

²⁴ Мусок 2014; Петров 2017.

оказывала и продолжает оказывать воздействие на разделение, иерархизацию и фрагментацию памяти британского общества о войне²⁵.

Взаимодействие и борьба разных форм исторической памяти о войне и революции, их образы стали предметом презентации и обсуждения на международной конференции «Уроки Октября» (Париж, 16-18 октября 2017 г.), организованной Посольством РФ во Франции²⁶. Констатация неразрывной связи войны и революции прозвучала в докладе постоянного секретаря Французской Академии Элен Каррер д'Анкосс, автора фундаментальной монографии о В.И. Ленине²⁷. Революция, отменила докладчик, была порождена войной, а якобы имевшее место «планирование» революции 1917 г. Лениным – это миф. Глубокий анализ взаимосвязи исторической памяти и историографических парадигм о войне и Революции прозвучал в докладе «Великая Российская революция: проблемы исторической памяти», представленном директором Института российской истории РАН Ю.А. Петровым. Говоря о причинах Революции, он вышел на проблематику Первой мировой войны, которая была охарактеризована как событие, обусловившее резкую радикализацию настроений в Российской империи, переплетение ряда противоречий и кризисных процессов. Ю.А. Петров проанализировал влияние современных дискуссий о характере войны, Февральских и Октябрьских событий на историческую память о них. Как и в других своих работах²⁸, он выступил против получившей довольно широкое распространение в общественном сознании современной России и трудах некоторых историков конспирологической версии происхождения Революции. Проблематика исторической памяти о войне и Революции была также представлена в выступлениях директора Дома русского зарубежья В.А. Москвина, писателя В.В. Ерофеева, председателя Союза дворян Д.М. Шаховского, председателя Ассоциации «Франко-русский альянс» А.А. Трубецкого, Первого заместителя председателя Международного совета российских соотечественников Н.Д. Лобанова-Ростовского, переводчика и публициста Н.И. Кривошеина, председателя Клуба императорского морского флота А.Б. Жевахова.

Анализ докладов позволяет сделать вывод о сосуществовании процессов сближения и расхождения моделей исторической памяти и достижений историографии в разные периоды, в разных социокультурных средах. Конференция наглядно продемонстрировала, что, несмотря

²⁵ Мускок 2014. Р. 161.

²⁶ Автор статьи была участницей этой конференции, вела собственную запись докладов и использовала стенограмму, любезно предоставленную атташе по культуре Посольства РФ во Франции К. Пахоруковым.

²⁷ Каррер д' Анкосс 2008.

²⁸ Петров 2017. С. 15-16.

на усилия академических историков, стремящихся к объективному изучению проблем, в понимании Революции и связанных с ней процессов по-прежнему большую роль играют «неисторические варианты» исторической памяти, связанные с конспирологическими и иными версиями, психологическими и эмоциональными травмами, влиянием специфического поколенческого опыта.

Политика памяти, целенаправленное конструирование новой идентичности в условиях революционного и постреволюционного времени, рассматриваемые во взаимосвязи с коммеморативными практиками «снизу» и естественной конденсацией исторической памяти о Первой мировой войне, Революции и гражданской войне, стали сегодня важными направлениями осмысления раннесоветского периода²⁹.

Наряду с общим пониманием доминирующих тенденций и взаимосвязанных процессов эпохи военно-революционного кризиса в историографии сохраняется ряд дискуссионных проблем. Одной из них является вопрос о степени зрелости российской нации, роли мировой и гражданской войн, революции в ее формировании. Если большинство исследователей считают, что одной из главных причин революции и отката масс от войны стала несформированность национального сообщества с едиными представлениями о целях и интересах страны, то Д. Санборн и М. Стокдейл, напротив, отмечают значительную роль военного опыта в конструировании гражданской идентичности, формировании идеи нации³⁰. Стокдейл в одном из томов юбилейного издания из серии «Великая война и революция в России» пишет: «Можно скорее заключить, что опыт мировой войны помог укрепить в населении чувство принадлежности к великому национальному сообществу, чем стал проигранным тестом на патриотизм»³¹. Санборн показал влияние Первой мировой войны, создавшей тотально мобилизованное общество, а затем революционных процессов и периода гражданской войны на ускорение формирования и трансформацию облика и самой идеи российской нации. В частности, автор отмечает, что в годы гражданской войны большевики создали «классовую» нацию путем объединения в ней различных категорий «трудящихся» и исключения национальных «париев», так же, как предреволюционные официальные власти пытались объединить различные этнические группы под «зонтиком» «российскости»³². Автор рассматривает процесс формирования российской нации в связи с конструированием и усвоением гражданской идентичности, принимавшей разные, но во многом преемственные формы. Ми-

²⁹ Тихонов 2017; Солодянкина 2017; Petrone 2011.

³⁰ Sanborn, 2003, p. 205; Russian Culture in War and Revolution. P. 26.

³¹ Russian Culture in War and Revolution. P. 26.

³² Sanborn 2003. P. 205.

ровая война, революция, а затем и гражданская война обусловили утверждение идеала гражданина-солдата, но понимание того, что это значит, в этот период существенно изменилось. Новое поколение молодых мужчин, вступивших во взрослую жизнь в условиях войны, революции и массового насилия, проявляли качества нового типа – агрессии и соединения силы и дисциплины, инициативы и подчинения³³.

В юбилейном выпуске журнала «Slavic Review» Дж. Санборн и Э. Лор рассматривают Революцию 1917 г. в тесной связи с политическими и социально-психологическими процессами завершающего периода участия России в мировой войне. Суть этих процессов – общественная «демобилизация» (как противоположность национальной мобилизации первого периода войны) и государственный коллапс, вызвавшие апатию, разочарование и массовый поворот людей к практикам выживания в период Революции и Гражданской войны. Используя компаративный подход, авторы Лор констатируют: «Скорость и размах демонтажа полиции, государственной службы и армии помещают российский прецедент в дальний конец сравнительного ряда революций»³⁴, акцентируя тем самым внимание на специфике ее феномена.

Значимых результатов в исследовании политической культуры эпохи военно-революционного кризиса добились представители «новой политической» и «новой культурной» истории». Анализ российской культуры этого периода как единого пространства взаимосвязанных, обусловленных его обстоятельствами трансформаций, позволил реализовать культурно-символический подход, изучить роль образов, слухов, символов, эмоций в политической жизни и массовой культуре³⁵.

Столетний Юбилей Российской революции высветил также тенденцию изучения периода Революции и Гражданской войны в контексте истории советского «проекта», проблемы конструирования большевиками раннесоветского общества и государства. Этот тренд отражает пристальное внимание к роли социального проектирования в политике большевиков, их целенаправленное воздействие на сознание и поведение людей в революционную и постреволюционную эпоху. Он нашел яркое проявление в содержании докладов и статей на международных юбилейных конференциях последних лет³⁶. Широкое распространение практик социального проектирования, как показали историки, также связано с опытом Первой мировой войны. Благодаря трудам П. Хол-

³³ Sanborn, 2003, p. 206-207.

³⁴ Lohr, Sanborn 2017. P. 708.

³⁵ Figes, Kolonotskii 1999; Колоницкий 2012; Russian Culture in War and Revolution...; Булдаков 2014; и др.

³⁶ См.: Революция 1917 года в России... 2017; 1917 год в России: социалистическая идея... 2016; Эпоха социалистической реконструкции... 2017..

квиста обоснована определяющая роль войны в распространении представлений о роли и возможностях государства в деле «переделки» сознания и поведения человека, а вместе с этим и всего общества. Так, он обосновал важный тезис о том, что тотальная война была самым тесным образом связана с развитием современной политики управления массами, переходом от управления территориями к управлению населением³⁷. Холквист обратил внимание на то, что во всех странах, включая Россию, в результате войны изменились функции надзора за населением: он стал предназначаться не просто для выявления мнений и настроений, как и не сводиться к контролю над населением – вся его цель заключалась в том, чтобы воздействовать на людей, изменить их. Во всех странах появились идеи создания более совершенного общества при одновременном превращении образующего это общество человеческого материала в более эмансипированных, сознательных и вообще лучших индивидуумов, т.е. создания «нового человека»³⁸.

Таким образом, анализ влияния 100-летних юбилеев Первой мировой войны и Российской революции 1917 г. на профессиональное осмысление этих эпохальных событий ярко демонстрирует их стимулирующее воздействие на развитие исторического знания. Это проявляется в активизации исследовательской и публикаторской работы, расширении источниковой базы и качественном обновлении методов получения и представления знаний, инвентаризации и обновлении концептуального багажа. Проведение в связи с юбилеями крупных исследований с привлечением историков из разных стран показывает перспективность международного формата научных проектов, его значительные возможности в деле приращения знания. Использование в рамках этих проектов цифровых и информационных технологий, интерактивного формата представления знания способствует расширению аудитории, приобщенной к актуальному историческому знанию о мировой войне и Революции. Юбилеи явно продемонстрировали сближение подходов российских и зарубежных историков в их осмыслении событий войны и Революции на основе интерпретации взаимосвязи процессов военного и революционного времени, использования концепции военно-революционного кризиса 1914–1921 (22) гг., раскрывшей свой эвристический потенциал.

Особенностью двух серий юбилейных мероприятий стала их тематическая взаимосвязь и преемственность. В то же время именно Юбилеи стали центральными точками взаимодействия и конфликтов политики памяти и естественных/неофициальных форм конденсации исторической памяти о прошлом, различных версий его восприятия.

³⁷ Холквист 1999. С. 84.

³⁸ Холквист 2001. С. 47.

Они выявили как возможности взаимодействия власти, общественности и профессиональных историков в выработке интерпретационных схем и символических образов этих событий, так и конфликты интерпретаций, вариативность исторической памяти, устойчивость и изменчивость социальной памяти о прошлом.

БИБЛИОГРАФИЯ

- 1917 год в России: социалистическая идея, революционная мифология и практика: сб. науч. тр. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. 384 с.
- Асташов А.Б. Русский фронт в 1914 – нач. 1917 года: военный опыт и современность. М.: Новый хронограф, 2014. 740 с.
- Байрау Д. Понятие и опыт тотальной войны (на примере Советского Союза) // Опыт мировых войн в истории России: сб. ст. Челябинск: Каменный пояс, 2007.
- Будлаков В.П. Россия. 1914–1918: война, эмоции, революция // Россия в годы Первой мировой войны. 1914–1918: материалы Междунар. науч. конф. (Москва, 30 сентября – 3 октября 2014 г.). М.: ИРИ РАН, 2014. С. С. 11-21.
- Каррер д' Анкосс Э. Ленин / Э. Каррер д' Анкосс; [пер. с франц. А.Н. Скобелкина] – 2-е изд. – М.: РОССПЭН; Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2008.
- Колоницкий Б.И. Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 года. СПб.: Лики России, 2012. 336 с.
- Критический словарь Русской революции. СПб.: Нестор-История, 2014.
- Ливен Д. Россия в Первой мировой войне // Россия в годы Первой мировой войны. 1914–1918: материалы Междунар. науч. конф. (Москва, 30 сентября – 3 октября 2014 г.). М.: ИРИ РАН, 2014. С. 22-29.
- Маленький человек и большая война в истории России: середина XIX- середина XX вв.: Материалы международного коллоквиума (Санкт-Петербург, 17-20 июня 2013 г.). СПб.: Нестор-История, 2014. 572 с.
- Нагорная О.С. «Другой военный опыт»: российские военнопленные Первой мировой войны в Германии (1914–1922). М.: Новый хронограф, 2010.
- Нагорная О., Нарский И. Проигранная война, поиск виновников и тень нацизма: Первая мировая война в немецкой историографии // Российская история. 2014. № 5. С. 13-26.
- Опыт мировых войн в истории России: сб. ст. / [редкол.: И.В. Нарский и др.] Челябинск: Каменный пояс, 2007.
- Петров Ю.А. Россия накануне Великой революции 1917 г.: современные историографические тенденции // Российская революция 1917 года: власть, общество, культура / отв. ред. Ю.А. Петров. М.: Политическая энциклопедия, 2017. Т. 1. С. 12-26.
- Россия 1917 года в эго-документах: Воспоминания / авт.-сост. Н.В. Суржикова, М.И. Вебер и др.; науч. ред. Н.В. Суржикова. М: Политическая энциклопедия, 2015. 510 с.
- Россия 1917 года в эго-документах: Дневники / авт.-сост. Н.В. Суржикова, М.Б. Ларионова, Е.Ю. Лебеденко, Н.А. Михалёв, С.А. Пьянков, Е.Ю. Рукосуев, Н.В. Серета, О.В. Чистяков, М.И. Вебер; науч. ред. Н.В. Суржикова; Институт истории и археологии УрО РАН. М.: Политическая энциклопедия, 2017. 678 с.
- Россия 1917 года в эго-документах: Записки репортера / подгот. текста и коммент. Н.В. Суржиковой, М.И. Вебера, Я.А. Голубинова, Е.Ю. Лебеденко, Н.А. Михалева, С.А. Пьянкова; науч. ред. Н.В. Суржикова; М.: Политическая энциклопедия, 2016. 551 с.
- Смирнов Н.Н. О некоторых дискуссионных проблемах Великой русской революции 1917 года // Революция 1917 года в России: события и концепции, последствия и память». Материалы международной конференции, посвященной 100-летию Революции 1917 г. в России. СПб., 2017. С. 16–22.
- Солодянкина О.Ю. Казусы идентичности: новая губерния, новые герои, новые иностранцы и новые коммеморативные практики // Революция 1917 года в России: события и концепции, последствия и память». Материалы международной конференции, посвященной 100-летию Революции 1917 г. в России. СПб., 2017. С. 308–315.

- Стейнберг М. Великая русская революция, 1905–1921 / пер. с англ. Н. Эдельмана; под науч. ред. М. Гершзона. М.: Изд-во Института Гайдара, 2018. 360 с.
- Февральская революция 1917 года: Проблемы истории и историографии. СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2017.
- Холквист П. Тотальная мобилизация и политика населения: российская катастрофа (1914–1921) в европейском контексте // Россия и Первая мировая война. Материалы международного научного colloquiuma. СПб.: СПб. Институт истории РАН, «Дмитрий Буланин», 1999. С. 83–101.
- Холквист П. «Осведомление – это альфа и омега нашей работы»: Надзор за настроениями населения в годы большевистского режима и его общеевропейский контекст // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Советский период: Антология / Сост. М. Дэвид-Фокс. Самара: «Самарский университет», 2001. С. 45–93.
- Эпоха войн и революций: 1914–1922: Материалы международного colloquiuma. СПб.: Нестор-История, 2017.
- Эпоха социалистической реконструкции: идеи, мифы и программы социальных преобразований / глав. ред. Л.Н. Мазур. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2017. 754 с.
- 1914-1918 online. International Encyclopedia of the First World War // URL: <http://www.1914-1918-online.net/>
- Bolshevik Culture. Experiment and Order in the Russian Revolution. Bloomington: Indiana University Press, 1985.
- Engelstein L. Russia in Flames. War, Revolution, Civil War, 1914–1921. Oxford: Oxford University Press, 2017. 856 p.
- Figes O., Kolonotskii B. Interpreting the Russian Revolution. The Language and Symbols of 1917. New Haven, London: Yale University Press, 1999.
- Hoffmann David L. The Great Socialist Experiment? The Soviet State in its International Context // Slavic Review. Volume 76. Issue 3 Fall 2017, pp. 619–628.
- Holquist P. Making War, Forging Revolution. Russia's continuum of crisis, 1914–1921. Cambridge, Mass., London, 2002.
- Lohr E., Sanborn J. 1917: Revolution as Demobilization and State Collapse // Slavic Review. Volume 76. Issue 3. Fall 2017, p. 703–709.
- Mycock, A. The First World War Centenary in the UK: 'A Truly National Commemoration'? // Round table: a quarterly review of the politics of the British Commonwealth. 103/2; 2014, 153–163.
- Petrone, Karen. The Great War in Russian Memory. Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 2011
- Russian Culture in War and Revolution, 1914–1922. Book 2. Popular Culture, Identities, Mentalities, and Memory / Ed. M. Frame, B. Kolonitskii, S.G. Marks, M.K. Stockdale. Bloomington: Indiana, 2014.
- Sanborn J. Drafting the Russian Nation: Military Conscription, Total War, and Mass Politics, 1905–1925. Dekalb, 2003.
- Sanborn J.A. Imperial Apocalypse. The Great War and the Destruction of the Russian Empire Oxford: O.U.P., 2014
- Smith S.A. Russia in Revolution: an Empire in Crisis, 1890 to 1928. Oxford: O.U.P., 2017. 448 p.
- Steinberg M.D. The Russian Revolution, 1905–1921. Oxford; N.Y.: O.U.P., 2017.

REFERENCES

- Astashov A.B. Russkii front v 1914-nach. 1917 goda: voennyi opyt i sovremennost'. M.: Novyi khronograf, 2014. 740 s.
- Buldakov V. P. Khaos i etnos. Etnicheskie konflikty v Rossii, 1917–1918. Usloviia vozniknoveniia, khronika, kommentarii, analiz. M.: Novyi khronograf, 2010.
- Buldakov V. P. Rossiia, 1914–1918: voina, emotsii, revoliutsiia // Rossiia v gody Pervoi mirovoi voiny. 1914–1918: materialy Mezhdunar. nauch. konf. (Moskva, 30 sentiabria – 3 oktiabria 2014 g.). M.: IRI RAN, 2014. S. S. 11–21.

- Davydov A. Iu. Narod i Sovetskoe gosudarstvo v Grazhdanskoj voine: Protivostoianie v bor'be za khleb // Malen'kii chelovek i bol'shaia voina v istorii Rossii: seredina XIX – seredina XX vv.: Materialy mezhdunarodnogo kollokviuma (Sankt-Peterburg, 17-20 iyunia 2013 g.). SPb.: Nestor-Istoriia, 2014. S. 318-335.
- Fevral'skaia revoliutsiia 1917 goda: Problemy istorii i istoriografii (2017) [The February Revolution of 1917: Problems of History and Historiography] SPb.: Izd-vo SPbGETU «LET». Karrer d' Ankoss E. Lenin / E. Karrer d' Ankoss; [per. s frants. A.N. Skobelkina]. 2-e izd. – M.: ROSSPEN; Fond Pervogo Prezidenta Rossii B.N. El'tsina, 20008 (In Russian)
- Kolonitskii B. I. Simvoli vlasti i bor'ba za vlast': k izucheniiu politicheskoi kul'tury rossiiskoi revoliutsii 1917 goda. SPb.: Liki Rossii, 2012. 336 p.
- Kholkvist, P. Total'naya mobilizatsiia i politika naseleniia: rossiyskaya katastrofa (1914–1921) v evropejskom kontekste [Total mobilization and population policy: the Russian catastrophe (1914 - 1921) in the European context] In Rossiia i Pervaya mirovaya voyna. SPb., SPb. Institut istorii RAN, «Dmitriy Bulanin», 1999. p. 83-101.
- Kholkvist, P. «Osvedomlenie – eto al'fa i omega nashey raboty»: Nadzor za nastroeniyami naseleniia v gody bol'shevistskogo rezhima i ego obshcheevropejskii kontekst [“Information is the Alfa and Omega of our Work”: Bolshevik Surveillance in its Pan-European Context»] In Amerikanskaya rusistika: Vekhi istoriografii poslednikh let. Sovetskii period: Antologiya/ Sost. M.Devid-Foks. Samara: “Samarskii universitet”, 2001. p. 45-93.
- Kriticheskii slovar' Russkoi revoliutsii. SPb.: Nestor-Istoriia, 2014. 768 s.
- Liven D. Rossiia v Pervoi mirovoi voine // Rossiia v gody Pervoi mirovoi voiny. 1914–1918: materialy Mezhdunar. nauch. konf. (Moskva, 30 sentiabria - 3 oktiabria 2014 g.). M.: IRI RAN, 2014. S. 22-29.
- Malen'kii chelovek i bol'shaia voina v istorii Rossii: seredina XIX – seredina XX v.: Materialy mezhdunarodnogo kollokviuma (Sankt-Peterburg, 17-20 iyunia 2013 g.). SPb.: Nestor, 2014. 572 s.
- Nagornaia O. S. «Drugoi voennyi opyt»: rossiiskie voennoplennye Pervoi mirovoi voiny v Germanii (1914–1922). M.: Novyi khronograf, 2010.
- Nagornaia O., Narskii I. Proigrannaia voina, poisk vinovnikov i ten' natsizma: Pervaia mirovaia voina v nemetskoj istoriografii // Rossiiskaia istoriia. 2014. № 5. S. 13-26.
- Opyt mirovykh vojn v istorii Rossii / red.: I.V. Narskii i dr. Cheliabinsk: Kamennyi poias, 2007.
- Petrov Iu. A. Rossiia nakanune Velikoi revoliutsii 1917 g.: sovremennye istoriografi-cheskie tendentsii // Rossiiskaia revoliutsiia 1917 goda: vlast', obshchestvo, kul'tura / otv. red. Iu.A. Petrov. M.: Politicheskaiia entsiklopediia, 2017. T. 1. S. 12-26.
- Smirnov N. N. O nekotorykh diskussionnykh problemakh Velikoi russkoi revoliutsii 1917 goda // Revoliutsiia 1917 goda v Rossii: sobytiia i kontseptsii, posledstviia i pamiat'. Materialy mezhdunarodnoi konferentsii, posviashchennoi 100-letiiu Revoliutsii 1917 g. v Rossii. SPb., 2017. S. 16–22.
- Solodianskina O. Iu. Kazusy identichnosti: novaia guberniia, novye geroi, novye inostrantsy i novye kommemorativnye praktiki // Revoliutsiia 1917 goda v Rossii: sobytiia i kontseptsii, posledstviia i pamiat'. Materialy mezhdunarodnoi konferentsii, posviashchennoi 100-letiiu Revoliutsii 1917 g. v Rossii. SPb., 2017. S. 308–315.
- Steinberg M. Velikaia russkaia revoliutsiia, 1905-1921 / per. s angl. N. Edel'mana; pod na-uch. red. M. Gershzona. M.: Izd-vo Instituta Gaidara, 2018. 360 s.
- Epokha vojn i revoliutsii: 1914–1922: Materialy mezhdunarodnogo kollokviuma. SPb.: Nestor-Istoriia, 2017.
- 1914-1918 online. International Encyclopedia of the First World War // URL: <http://www.1914-1918-online.net/>
- Engelstein L. Russia in Flames. War, Revolution, Civil War, 1914–1921. Oxford: O.U.P., 2017. 856 p.
- Figes, O., Kolonitskii, B. Interpreting the Russian Revolution. The Language and Symbols of 1917. New Haven, London: Yale University Press, 1999.
- Hoffmann D.L. The Great Socialist Experiment? The Soviet State in its International Context // Slavic Review. Volume 76. Issue 3 Fall 2017, pp. 619-628.

- Holquist P. *Making War, Forging Revolution. Russia's continuum of crisis, 1914 – 1921.* Cambridge, Mass., London, 2002.
- Lohr E., Sanborn J. 1917: Revolution as Demobilization and State Collapse // *Slavic Review.* Vol. 76. Issue 3. Fall 2017. P. 703–709.
- Mycock A. The First World War Centenary in the UK: 'A Truly National Commemoration'? // Round table: a quarterly review of the politics of the British Commonwealth. V. 103; No. 2. 2014, 153-163.
- Petrone Karen. *The Great War in Russian Memory.* Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 2011.
- Russian Culture in War and Revolution, 1914–1922. Book 2. *Popular Culture, Identities, Mentalities, and Memory/* Ed. by M. Frame, B. Kolonitskii, S.G. Marks, M.K. Stockdale. Bloomington: Indiana, 2014.
- Sanborn J. *Drafting the Russian Nation: Military Conscription, Total War, and Mass Politics, 1905-1925.* Dekalb, 2003.
- Sanborn J. A. *Imperial Apocalypse. The Great War and the Destruction of the Russian Empire* Oxford: O.U.P, 2014.
- Smith S. A. *Russia in Revolution: an Empire in Crisis, 1890 to 1928.* Oxford: O.U.P, 2017. 448 p.
- Steinberg M. D. *The Russian Revolution, 1905–1921.* Oxford; N.Y.: O.U.P, 2017.

Поршнева Ольга Сергеевна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, Уральский Федеральный Университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина; porshneva@yandex.ru; o.s.porshneva@urfu.ru

The jubilee to the anniversary: interpretation of the war-revolutionary crisis of 1914-1921 in the context of two significant dates

The article focuses on the impact of the First World War and the Revolution of 1917's anniversaries on the historical comprehension of these phenomena. The thesis that the defining trend in world historiography, manifested in the course of anniversaries, was the comparative studies, the incorporation of the Russian experience of the era of the Great War and the Revolution into a broader European and global context. The theoretical and methodological basis for interpreting epoch-making events was the concept of all-European military-revolutionary crisis of 1914–1921 (22), aimed at revealing its general prerequisites, characteristics, trends, manifestations, as well as specifics of the processes in the countries involved in the world conflict. Jubilee events, projects, publications have revealed a priority interest in studying the experience of war, culture and the symbolic space of the military-revolutionary era, social practices and wartime institutions, the problems of historical memory. The jubilees had a stimulating effect on the development of professional knowledge, while at the same time becoming the central points of interaction and conflicts of the policy of memory and natural forms of condensation of the historical memory of the war and the Revolution.

Keywords: Jubilees, historiography, World War I, Russian Revolution of 1917, historical memory

Olga Porshneva, Dr Sc. (History), Professor, Department of Russian History, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin; porshneva@yandex.ru; o.s.porshneva@urfu.ru